

ВЛАДИМИР УРУСОВ

КОЛОДЕЦ

И Бог один, и Родина одна
проходит стороной, рассыпав слёзы
и снег, согревший наши имена
под голой берестой седой берёзы.

И сразу вспоминают фонари,
о чём молчат задумчивые ели
и рассудительные снегири,
согретые дыханием метели.

И тает между небом и землёй
на зеркалах колодезного сруба
живая ртуть под коркой ледяной
в колоннах Храма, фабрики и клуба.

Ведут ступени вверх, ведут ли вниз,
И, бесконечно судьбами играя,
шумит о том, куда мы собрались,
косых дождей солома золотая.

И по следам, по кругу от крыльца
блуждает тьма, наполненная смыслом,
соединяя свет в глазах отца
и тень любви под сердцем материнским.

КОЛЕСНИЦА

Вьюнами свитые из вьюги,
опять зияют в бездне лет
и блещут звёздами кольчуги,
полночный впитывая свет.

И сквозь туманы, тень за тенью,
на лоб надвинув кивера,
обходит тьма свои владенья,
четвёртый Рим, эт сетера...

И ветер гонит круг за кругом
иных времён небесный гром,
и солнце тает над Амуром,
а западает за Днепром.

И рассыпается, и длится
явь, обретённая в огне, —
снег, золотая колесница
и царь на бронзовом коне.

РЯБИНА

Растает Русь, как сон, в полях огромных,
соединяя запад и восток,
затмив в небесных молниях и громах
рябины красной тлеющий листок.

Ещё далёк холодный час рассвета
и весь в тумане соловьиный сад,
пока от волн Амура и до Бреста
в забвеньи бродит курский лейтенант.

И блещут солнцем рыцарские латы,
и танк отцовский в прашурной броне
идёт по следу вечного солдата
на северной и южной стороне.

И не тускнеет воин твой железный,
и не седеет бронзовая прядь —
у Бога отпечатана над бездной
магического ромба рукоять!

И снова осень сбрасывает листья
за тем холмом, которому молюсь —
прижав к груди рябиновые кисти,
как сон, в полях огромных тает Русь.

Москва

СЕРГЕЙ АГАЛЬЦОВ

* * *

Падают снежные хлопья
С пасмурных, серых небес.
Смотрит на них исподлобья
Древний нахмуренный лес.

Словно великую думу,
Сумрачный, думает он.
И на закате угрюмо
Весь он в неё погружён.

Сколько ни мучься, ни сетуй
И проживи хоть века,
Но не постичь тебе этой
Думы — она глубока.

* * *

Над речкой мостик ветхий,
Скосившийся настил.
Дремотной ивы ветки
Касаются перил.

Ступая осторожно,
В сад по нему пройду.
Как соловьи тревожно
Светло поют в саду.

И, пеньем их согрета,
Светла душа моя —
Как будто снова Фета
Стихи читаю я.

* * *

Елене Крастелевой

Чуть, слегка поморосило,
А немного погода
Всю округу огласила
Очистительная сила
Звонкоструйного дождя.

Чистым полем шёл он косо.
Что такого было в нём,
Чтоб светла, златоволоса,
Тихо стоя, ты с откоса
Любовалась тем дождём?!

Подмосковье

АНАТОЛИЙ ОБЪЕДКОВ

* * *

Валдай, Валдай — ямщицкая страна,
Где резвой тройкой веют времена.
Вечерний свет, озёрный блеск воды,
За церковкой — цветущие сады.
Ты — юная, сама как райский сад,
Но время я не поверну назад,
Чтоб снова здесь нам встретиться с тобой.
Ты — в памяти, за дымкой голубой.

* * *

Желтея, трепещут осины
Под ветром. И вянут цветы.
Раздумьем полны осенины,
Лазурью вся светишься ты.

Постой на великом просторе,
Покою земли насладись
И в даях, как в русском соборе,
За грешных всех нас помолись.

* * *

В рубище прячется странница,
Вечно живая душа,
Словно бы хочет направиться
К тёмной воде Иртыша.

Что-то в ней дикое, странное,
Словно от рек и болот
Боль завелась покаянная,
Лапой медвежьей скребёт.

Что там за звоны певучие
Катит таёжная ширь?
Слушают сосны могучие,
Как своенравна Сибирь.

Глубь рудников да колодины,
Комья земли на крови.
Что же хочу я от родины?..
Шепчет куст красной смородины:
“Господи, благослови...”

Великий Новгород

ВИКТОР ХОЛИН

РОССИЯ

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить...*
Ф. И. Тютчев

Умом не понятая в малом,
В великом жертвенно чиста,
Прошла свой путь под стягом алым,
Как будто спела жизнь с листа.

Незримой правдою богата,
Как тот, что крестный путь открыл,
Она для них — сама расплата
За то, что небом не за злато
Душе даётся радость крыл.

О БЛАГОСТИ И ЧЕСТИ

Когда вперёд нельзя, и некуда вернуться,
А боги, как всегда, глухи, немые, слепы,
Нет смысла рассуждать об истине на блюде
С каёмочкой любви расхристанной толпы.

Нет смысла вопрошать о родине и чести —
Печалься, Русь, ты вновь поставлена на кон.
Торг шулеры ведут на древнем лобном месте,
О, как им жжёт глаза твой праведный закон!

В продажной суете, спасёшься ли чудесно?
Всё скорбней по церквам иконных ликов грусть.
Но благостен твой путь — одна у птицы песня,
Одна у жизни боль, одна у мира Русь!

ЧТОБЫ СТАТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

Творит привычный крест рука,
Душа поёт и плачет.
Никто не выстрадал пока,
Как в мире жить иначе.

Вновь смоем прах святынь вода,
Начнётся путь сначала —
За все сомнения, когда
Твоя душа молчала.

А спор не стоит и гроша,
Ты сделал выбор, значит
Молись, пока поёт душа...
И кайся, если плачет.

г. Севск

БОРИС ГОЛОВИН

* * *

1

Прохудав, тканый в листья кафтан
ждёт на воздухе чистки и встряски,
и, как встарь, в сентябре Левитан
подновил ему краски.

Над крещёной горою — раскат
в пропасть неба: две птицы святы
третий век улететь не хотят
за моря золотые.

А над озером ближним, внизу,
гомон чаек, визгливые крики.
Вдруг замрёт, утирая слезу,
воздух чистый и дикий.

2

Был в гостях у Матвеича. Спят
восемь кошек, не спится котёнку.
Свет вечерний, пролившись сквозь сад,
озарил самогонку.

День пустынных причуд и тоски,
а Прокофьевна с клюквой сегодня.
Вас и осенью тут, старики,
греет лето Господне.

Вам одним тут, на мёрзлых дровах,
тешить вьюгу в любви с укоризной,
как Петру и Февронье в снегах,
позабытым отчизной.

3

Здесь давно уж не сеют, не жнут.
Славя пастыря, кроткое стадо
топчет брошенный в паданцы кнут
среди дырявого сада.

По колхозу прошла пастораль.
Пастуху над кустом свищет птица —
безмятежна в запое печаль.
А вот мне всё не спится.

Спутав сутки, надвинется ночь,
срезет свет, как печная заслонка,
утром видишь картину точь-в-точь
прорисованной тонко.

Новая Зеландия

ЭММА МЕНЬШИКОВА

БЕЛЫЕ НОЧИ

С Крещения — и дни светлее,
И ночи — белые почти:
Метель им снежные постели
Уже успела наместить!

Искрится небо серебристо,
Искрится снег, куда ни глянь.
О Русь, моя земная пристань,
Космическая глухомань.

Твоё сияние — от Бога,
И тишь твоя — как строгий пост,
Когда светло, и одиноко,
И путь земной куда как прост.

В окно глядишь — и видишь ясно
В снегах затерянную даль,
Куда спешить уже напрасно,
И не спешить как будто жаль...

* * *

Есть простые слова, но за ними
И судьба, и любовь, и земля.
Это хрусткие снежные зимы,
Это древние стены Кремля.

Сколько б времени дальше ни виться,
Будут вечно звучать и спасать
Красный угол, святая водица,
Пустынь Оптиная, Павлов Посад...

Есть слова как пароль, как примета
Уз надёжных и скреп вековых —
Это строки державных поэтов
И молитвы великих святых.

Это имя, которым крестили,
Это мамина тихая грусть...
И встаёт за словами простыми
Наша кровная родина Русь.

* * *

Дорога к дому моему бежит издалека —
Там дедов хутор и река — вода в ней глубока...
Там те же звёзды до сих пор мерцают в вышине,
А дома нет, и сада нет: они живут во мне.

Всё в памяти моей пока не тронута быльём,
Сидит отцовская родня на лавках за столом,
И пахнет в доме молоком, и печка льёт тепло,
И вдруг взовётся песня так, что задрожит стекло...

Всю жизнь трудились на разрыв — и пели, душу рвя,
А ныне там земля пуста да шелестит трава.
И песни эти не слышны, и судьбы как во тьме,
Но помню я — и все они живут, поют во мне...

г. Липецк

ЕЛЕНА ИВАНОВА

* * *

Душа продолжения ищет.
Неясной тревоги полна,
Как временным тесным жилищем
Порой тяготится она!

Бывают мгновенья свободы,
Пьянящие, словно вино,
Когда вдруг с живою природой
Сливается дух твой — в одно.

Как всё на земле мной любимо
Тогда! И какой-нибудь вид
С прудом и наседкою-ивой
Так много душе говорит,

Как будто пришла я — к началу,
В обители словно какой,
Где нет ни тревог, ни печали —
Один только светлый покой.

И стелется тут же под ноги
Дороги суровый рушник.
Задумчивость строгая в стоге,
Задумчив примолкший родник...

Калины зардевшийся кустик
Кивнёт тебе молча вослед...
И русской картины без грусти —
Вот этой —
Для русского нет.

СОН

Я сон пою, бесценный дар Морфея.
А. С. Пушкин

Звонких не трогая струн,
С шумом листвы в унисон,
Вкрадчивый дождик-шептун
Сладкий навеял мне сон.

Голос кукушки вдали
Словно из детства звучал,
И облака-корабли
Плыли к началу начал.

Там свой любимый левкой
Шла я с зарёй поливать...
Что за блаженный покой
В слове самом “почивать”!

Чудо как жизнь хороша,
Если ко сну отошёл,
Уговорившись с душой,
Чтоб не болела душа.

Дождик в листве шелестел,
Что-то нашептывал мне,
Словно утешить хотел...
Сладостно было во сне!

И у природы живой
Общая с нами черта:
Пруд, в сон уйдя с головой,
Слюнку пустил изо рта.

...Краток забвения миг,
Что к изголовью приник.
Дождик, ещё пошепчи,
Пташечка, пошебечи...

* * *

Какая тишь, какой покой вокруг!
Безбожник, ты поверишь в божью милость.
Как будто время мчавшееся
Вдруг
Как вкопанное здесь остановилось.

В самой природе — млеющая лень,
Миг равновесья сил её упорных,
Когда, мешаясь равно, свет и тень
Живут с согласием кратком миротворном.

Заметней проступает лиц загар,
А гуси у реки — белее снега.
И пузырьки над водами... и пар...
И клич далёкий:
— Тега-тега-тега!

А вот и стадо свой призыв трубит.
Пылит четвероногая пехота
И кажет победительный свой вид.
Эй, отворяй, хозяйюшка, ворота!

Боясь парной свой взятки расплескать,
Рыжуха катит важную каретой.
Остался на дороге оседать
Шлейф запахов натруженного лета.

Какая тишь, какой покой вокруг!
Внимай и зри, покуда не очнулся,
Покуда пробуждения испуг
Души летучей мышью не коснулся.

За этот миг — всё, кажется, отдашь!
И в простоте уверуешь сердечной,
Что кладбище — лишь призрачный пейзаж.
Мгновенье остановленное — вечно.

г. Ставрополь

ГЕННАДИЙ КАРПУНИН

* * *

На солнечном закате, на берегу реки,
Под тихую беседу курили старики.

Их разговор сермяжный сводился к одному:
Кто был в деревне первым, и умирать кому.

— Ты, Ваня, не посетуй, но это буду я;
Ведь ты всю жись был первым, шас очередь моя.

— Ну, вот ещё... придумал, — сказал ему Иван, —
А кто мою Глафиру тогда отвоевал?!

— Она меня любила, — ответил просто Пётр.
Ивану ж показалось, что Пётр как будто горд.

— Она тебя жалела, — Иван пустился в спор...
— Она тебя... — И долго б их длился разговор,

Когда бы за погостом, где полыхал закат,
Их не окликнул кто-то, как много лет назад.

И оба замолчали, курили вновь и вновь,
Что смерть не поделили, как первую любовь.

ЗВЕЗДОПАД

Вечер был угрюм и молчалив.
Ждали, как обычно, электричку.
Кто-то, сигарету закурив,
Просто так держал зажжённой спичку.

Кто-то к окнам кассовым приник,
Сквозь толпу проталкивался кто-то...
Словом, как положено, в час пик
Много было всякого народа.

Звёзды с неба, будто невпопад,
Сыпались, как спички, догорая.
И не знали люди, что стоят
У порога ада. Или рая.

* * *

В крепдешинном платье, в чёрном уборе,
С постаревшим лицом от невзгод и потерь,
Она тихо стояла в церковном притворе,
Не решаясь войти в приоткрытую дверь.

И казалось ей — вечностью дышит минута,
Что великая радость не знает границ,
И хотелось любви, как знамения, чуда,
Как прочитанного со священных страниц.

Она что-то шептала, молитвы не зная,
Подбирая простые, из сердца, слова,
И не старая, вроде, и не молодая,
И как будто давно — ни жена, ни вдова.

А когда вдруг ушла, кто-то вслед беспокойно
Произнёс, словно всё это было во сне.
“Посмотрите, как будто бы плачет икона...
Видно, к новым скорбям. А быть может, к войне?..”

г. Москва

НИКИТА САМОХИН

* * *

Дремлет ветер. Недвижна занавеска.
Дремлет степь в удушливом плену.
Только россыпь мертвенного блеска
Травит душу пыльному окну.

Расползлось по хутору томленью,
Смазав марью шлях и курени.
И луна, обласканная ленью,
Улеглась на хрусткие плетни.

Тает ночка в куreve прозрачном.
Знать, к утру не сгинет пелена,
И зарю с безмолвьем буерачным
Мне встречать у пыльного окна.

* * *

Раскудрявился Дон своевольный,
Пляшет зыбь в ледяной черноте.
И срывается берег бездольный,
Растворяясь в голодной воде.

Так и мне доведётся однажды
Обрести неизбежный покой
И познать утоление жажды,
Став минувшим природы донской.

* * *

Распласталась степная ширь,
Безмятежность в душе стеля,
Облачившись в седой мундир
Из полыни и ковыля.

Полной грудью её вдохнуть,
Словно жизни другой глоток.
Здесь казак свой венчает путь,
Здесь его родовой исток.

Это вольный славянский мир,
Эти степи — моя земля,
Это мой родовой мундир
Из полыни и ковыля.

г. Волгоград

ЭЛЬВИРА КУКЛИНА

* * *

*И все женские мысли твои,
Словно ласточки, стелются низко.*
Юрий Кузнецов

Ты — скрывайся, молчи и таи —
Он — вещает, вводя тебя в трепет.

...А все женские мысли твои —
Словно ласточки — бережно лепят...

Опускает он розу в ай!
Над волнами распахнуто реет!

...Только женские мысли твои —
Беззащитное — греют и греют.

Он тебе позволяет — твори!
Он не против. Он — не возражает.
Но — всеженские — мысли твои —
Кормят. Нежат. В полёт провожают.

Лишь потом — в опустевшем гнезде —
В пухе быта и прахе оплота —
Ощутишь:
Не тогда
И не здесь
И не ты — рождена для полёта.

РОМАНС

Окно раскрыто. Майский холодок
Коснулся рук. Луна в тяжёлых шторах
Запуталась как рыбка. Каждый вздох
Разносится по саду, каждый шорох.

Пел соловей-растрава, но умолк.
Сказал что мог — и вывел многоточье.
Его неумолимый перещёлк
То обжигал, то нежил этой ночью.

Таинственно мерцают в темноте
Молочно-белым будущие вишни...
Слова приходят, но не те, не те —
Да, может, и совсем они излишни?

...И вот уже трепещут под рукой
Покорных клавиш лаковые спинки.
Романс — с его невянущей тоской —
Любовь и горечь сводит в поединке.

Никто не ждёт у вишни под окном...
Лишь отрыдал рояль — и вновь ни звука.
И зябко сердцу в сумраке ночном,
И ощутимей с юностью разлука.

НАПОСЛЕДОК

Мы просто были — в разных измерениях.
Ты — в дюймах, фунтах, унциях, каратах.
А у меня — в моих стихотворениях —
Знак вечности — ноль целых — чуть десятых.

Мы были параллельными вселенными.
(Вопрос пересечения — риторический.)
Мой снег — белел черёмухами пенными.
Твой — H₂O. Колючий. Кристаллический.

Мы просто были — слабо совместимые.
Фатально одинокие. Неравные.

...Мы — просто были.
Ты за всё прости меня.
Мы просто — будем.
И вот это — главное.

Нижний Новгород

ЮРИЙ МАНАКОВ

ЭХО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

На челябинской площади привокзальной — в углу,
Словно от нежелательных глаз в стороне хоронясь,
Постамент и вагоны на рельсах. И если ты глуп,
То тебя вразумит вот такая словесная вязь:

“Это памятник чехам — пленным, погибшим в боях...”,
То есть тем, кто безбожно кровавил Урал и Сибирь,
Кто с Антантой отъявленной на сугубых паях
Столько русских безвинных людей ни за что погубил!

Кто в гражданской сумятице поживился с лихвой.
Горько помнит Трансиб до сих пор их чумной перепляс.
Не в таких ли вагонах и запас золотой
Умыкнули тогда ж под шумок белочехи у нас?

То ли в бронзе покоятся, то ли отлиты в медь.
Где у подлости здешних безродных властей берега?
Сплюнул я себе под ноги: хватит на это смотреть!
...Знать, не зря губернатор челябинский нынче в бегах!

СОВЕТСКАЯ ЗЕМЛЯ

Самолёты разлетелись. Опустел аэродром.
Сяду в сквере на скамейку под сиреневым кустом.

Мне лететь ещё не скоро. Надо где-то ночевать,
Под кустом ли на скамейке, или что-то поискать?

День мой завтрашний неведом, прошлый — помнить не хочу.
Я опять куда-то еду, а бывает — и лечу.

Ах ты, жизнь моя, копейка! Дотянуть бы до рубля...
Но в моём распоряженье вся Советская земля!

Я плоты вязал в Сибири на прозрачной Ангаре,
Сахалин мне тоже близок в окружении морей.

Знаю я не понаслышке уссурийскую тайгу,
Вологодские озёра в своём сердце берегу.

И уральские равнины, и алтайские белки,
Я надеюсь, не забыли мои чуткие шаги.

Ах, судьба моя, игрушка! Что с тобою делать мне?
Ведь пока я то на крыльях, то галопом на коне

Мчался вдаль, не разбирая ни преград и ни дорог,
Мир мой милый, строй Советский почему-то занемог.

Где ж теперь вы, самолёты? Где ж мои вы, корабли?
Там — в оболганной, Советской, неразгаданной дали!

Рудный Алтай

ВЛАДИМИР ГОФМАН

РЕКВИЕМ ПО ДЕРЕВНЕ

Так и жили мы, сами с усами,
Нынче озимь, а завтра — жнивье.
Заметало деревню большими снегами,
Поливало дождями её.

Полыхали над нею закаты,
Стороной обходила беда.
И горела над каждой избой небогатой
Золотая Христова звезда.

Срубы ставили. Травы косили.
В белом храме крестили детей.
Это было когда-то моею Россией,
Это было Отчиной моей.

На полях выростали деревья,
На дорогах — полынь-лебеда.
И в помине давно уже нет той деревни,
Как и не было никогда!

Я присяду у ивы плакучей,
У заросшего ряской пруда.
И покажется мне, будто прячется в тучах
Золотая Христова звезда.

ЦВЕТЁТ ЯБЛОНЯ

Май в окошко стучится яростно —
Красный гость у весны на пиру!..
Наша яблоня белым парусом
Бьётся трепетно на ветру.

Мама тихо пройдёт по горнице,
Где с иконами уголок.
Обо мне, неприкаянном, молится,
Чтобы Бог меня уберёг.

Бережёт Он меня, родимая,
По молитвам твоим святым...
Ночь закончилась соловьиная —
Утро, солнце, розовый дым!

Нижегородская обл.

САГИДАШ ЗУЛКАРНАЕВА

* * *

У бабы Мани всё, как встарь:
На кухне — книжкой календарь,
Портрет с прищуром Ильича
И борщ краснее кумача.
А во дворе кричит петух,
Слетает с неба белый пух.
Старушка хлеб в печи печёт,
И время мимо нас течёт...

* * *

Как в чёрной речке нету дна,
Так и в тебе мне нет опоры.
Ты от меня уедешь скоро,
И я останусь вновь одна.
Не оглянувшись, ты назад
Уйдёшь, а я поставлю точку.
И поцелую тихо дочку
В твои прекрасные глаза.

ТАТЬЯНА ЩЕРБИНИНА

ДЕРЕВЕНСКОМУ ДОМУ

Прошепчу тихонько “до свиданья!”
И бревно матёрое поглажу.
Старый дом, живущий ожиданьем,
Бесконечным, преданным, дворянским...
Ждёт-пождёт — в июле на мгновение —
Звякнет ключ, заохает крылечко,
Нежно половиц коснётся веник.
Добрый дух проснётся в русской печке.
Выпорхнут подушки стаяй пыльной,
На забор усядутся горбатый.
Заурчит довольный холодильник,
Допотопный дедушкин “Саратов”.
Разговор простой и душевный,
Сердцу жарко, весело и тесно.
Детский смех в умолкнувшей деревне
Засияет радугой небесной.
Всё вернётся! Нитки станут тканью.
А пока... влачит печальный век свой
Старый дом, живущий ожиданьем,
Бережно хранящий наше детство.

БЕРЕГ

...Смотрю на горячие травы, и глаз не могу отвести,
мой берег заброшенный, правый, высокий, до неба почти,
как песня старинная, длинный (Россия — судьба набекрень!),
лишь брёвна, да ржавая глина, да тени родных деревень.

От светлого хочется плакать, кого ж тут спасёт красота,
но красный ободранный бакен плывёт, не покинув поста.
Стою на последнем пароме, смотрю на далёкий угол,
где мамин зелёный домик, и ласточки режут простор.
Я знаю: мгновенье, и снова огромный потянет магнит,
песчаную низкой подковой обхватит, сожмёт, полонит —
тот, левый — большая дорога, зудящая масса людей,
там тоже живётся убого, но чуточку всё ж веселей.
На палубе ветер противный, коричнево волны кипят,
смотрю и смотрю неотрывно, пока ещё можно — назад.
Штыками оставшихся елей небес охраняя гранит,
мой правый, несдавшийся берег —
как Брестская крепость стоит.

г. Северодвинск

ВАЛЕНТИНА БЕЛЯЕВА

ГОЛОС ПРЕДКА

Ты впервые так бледен, мой отрок. И взгляд отрешён.
Ты уже ощутил, как непросто под небом живётся.
А недавно беспечно смеялся, играя с ножом,
И не знал, что в груди что-то есть и вот-вот встрепенётся.

Сердце предано будет тебе! А твой начатый путь
Преграждает окутанный подлым огнём перекрёсток.
И поверь мне, он ляжет безжалостной дланью на грудь
И облепит лицо твоё россыпью пляшущих блёсток.

Я не знаю, сумеешь ли ты мне когда-то простить
То, что волком взъярённым карабкался на баррикады.
Я столетье о них размышлял! Я страдал! Отпусти
Ты меня, молодой мой потомок, из этого ада!

В революции вся моя кровь! Пред тобою ж — вина,
Что средь горных вершин блещет влага живого истока,
Где лишь боги живут, где пируют твои времена.
И вослед тебе пляшут и, скалясь, хохочут жестоко...

* * *

Неуютно и зябко в сыром октябре.
За окном — проржавевший горох на рябине
Да узорчатый мох на вишнёвой коре.
Что-то вспомнишь об этой унылой поре,
Тупо глядя на пепел в застывшем камине.

Что-то вспомнишь... Возьмёшь невзначай кочергу.
Глубь времён зимней сказкой всплывёт изумлённо.
Ты увидишь себя на крутом берегу,
Как бежал, искупавшись в жемчужном снегу,
И кричал в белый свет: “Я с тобою, Алёна!!!”

Что-то вспомнишь... Резной деревянный буфет.
На диване — дыра от забытой сигарки.
Абажур из стекляшек, мерцающий свет.
День рожденья. Мешок шоколадных конфет!
Дед Мороз... Вальс “На сопках Маньчжурии” в парке...

Что-то вспомнишь ещё... А, как в прорубь скользнул.
Как, на лыжах летя с завихрившейся горки,
Незнакомую девочку палкой толкнул.
И округой звенел заразительный гул,
И, вихляя хвостом, лаял пёсик в восторге.

И невольно крадётся: но ты не один:
За окошком — оранжевый листик от клёна.
И опять задымится остывший камин.
И вернётся с чужих островов птичий клин...
И ты шепчешь всё тише и тише: Алёна...

г. Воронеж

АННА ТОКАРЕВА

ПАСТУШОК

Сивуха вчера получилась отменной на диво.
Не сытый, но пьяный, и нос, как всегда, в табаке,
Упал пастушок, одурев, в лопухи и крапиву
С гранёным стаканом в мозолистой, крепкой руке.

По-прежнему месяц сгибается жёлтой подковой,
По-прежнему солнце по небу бредёт вкругаля.
Очнись, пастушок, — разбрелись, одичали коровы,
Татарником злым зарастает родная земля.

Не пей, пастушок, это жуткое горькое пойло,
В траве отыщи запылённый забытый рожок.
Гони поскорее бурёнок в уютное стойло
И вновь на рассвете из стойла гони на лужок.

Труби, пастушок, на рожке иль играй на свирели,
Покуда ещё розовеют в лугах клевера,
Краснеют рябины, кидаются шишками ели,
И редкий петух кукарекает где-то с утра.

ПЕЧКА

Дрова, присыпанные снегом,
Стреляют в топке и шипят.
Какой восторг, какая нега —
Лежать и слушать снегопад!

Он рвётся в окна, топчет крышу,
А на лежанке — любота.
Шуршат внизу, под печкой, мыши,
Поправ мурчание кота.

В печурке сохнут рукавицы,
В опечье дремлет домовой.
И только мне совсем не спится
В моей избёнке лубяной.

В горшках томятся щи да каша,
Картошка млеет в чугуне.
Скрыт русский дух и сила наша
В живом, покладистом огне.

г. Егорьевск Московской обл.

АЛЕКСАНДР КУВАНОВ

* * *

Давно ль тут буянила вьюга
И властвовал ухарь-мороз?
Весна! Мы любили друг друга
С тобою у этих берёз.

И в душах ни капли испуга,
И только шумок в голове.
Мы просто любили друг друга
На нежно-зелёной траве.

Тайфун, ураган ли, цунами —
Не важно, Беда — не беда.
И майское небо над нами
Сияло так, как никогда.

Что кодексов умные строчки?
Нам чей-то указ — не указ.
Лишь клейкими были листочки,
Как клейки они и сейчас.

* * *

А как всё это начиналось?
Без пышных жестов, слов излишних.
Казалось бы, какая малость —
Простая ветвь цветущей вишни.
Ещё гроза в начале мая,
Ворота в парк, водовороты.
Что я, глупец! Я понимаю,
Но выйди из-за поворота —

Я с веткой вишни у ворот.
Не выйдешь — гром меня убьёт...

г. Иваново

ВЛАДИМИР КУЧЕРЬ

НА БЕРЕГУ РЕКИ

За тихую рекой развёрнутые дали
Раскачивают смесь рассветного тепла,
К полудню крутит зной воздушные спирали,
А на закате свет сгорает весь дотла.

Сворачивает ночь простор, как ветхий свиток,
Но слух всегда острее при полной темноте,
И проявленье звёзд — реальный фотоснимок
В недостижимой грозной высоте.

И шорохи в ночи... Крик одинокой птицы
Течёт по кривизне поверхности земной,
За мыслью мысль, как дым,
Что над костром клубится,
А в пламени костра жизнь, прожитая мной.

Мгновений колесо бежит своей дорогой,
Вздывает в воздух пыль и времени слои.
На берегу реки стою я у порога
Избы, где прожили свой век прапрадеды мои.

В НИКОЛЬСКОМ

Хотя и поменялись времена,
И всё ж не изменилось наше слово.
На родине Рубцова тишина,
Я пью до дна за родину Рубцова.

За разнотравье, за Звезду полей,
За речку Толшму с комариным раем,
За то, чтобы душе не постареть
И — если даже тело умирает...

А за рекой благословенный вид! —
Не потому, что вновь макушка лета.
Родной простор хранит тебя, хранит
Твой образ человека и поэта.

Тебя с покосом, сельский человек,
Несущий жизни и работы бремя...
Бежит река, ушёл двадцатый век,
А здесь почти остановилось время.

Легко перешагнув разбитый мост,
Тяжёлым, царским золотым червонцем,
Где вдалеке виднеется погост,
За горизонт едва заходит солнце.

Ночное стрекотанье до утра,
А то вдруг дождь к земле протянет руки,
И так природа здешняя светла,
Что омрачать не хочется разлуки.

Всплывёт заря в пурпуровом венце,
Земную ширь окинет добрым взглядом...
Россия, Русь в единственном лице —
И больше в жизни ничего не надо!

Москва

ЮРИЙ ЛОЩИЦ

* * *

*...все же веровавши бяху вкупе,
и имяху вся обща.
Деян. 2, 44*

Свобода и равенство с братством...
Безумный
святой нетерпёж!
Ну, как было не надорваться
французу?
И русскому тож?

Но я укоризны не брошу.
Отчаётся новый народ
и взвалит опять эту ношу.
И дольше,
чем мы,
пронесёт.

2017